

KI 1442205

VOC

175

175

Вологда
2005

K-1442205

Составление,
редакция
и примечания — **Б. Чулков**

На 1-й стр. обложки — «Девушка с кувшином» (175 лет).

На 2-й — копия статуи в подмосковном селе Суханове.

На 3-й — в Царском Селе. Фото вологодского поэта Валерия Сеницына, 2004.

На последней стр. — рядом Анна Ахматова (7 мая 1925).
Фото Н. Н. Пунина.

Итак — 175 лет. Именно 1 октября 1830 г. (в 1-ю Болдинскую осень) под пером Пушкина возникло его знаменитое и неповторимое стихотворение «Царскосельская статуя».

Современники отнеслись к нему довольно прохладно. Например, Белинский всего лишь упоминает его в списке-перечне пушкинских стихотворений. Без комментариев. (О стихотворении Михаила Деларю 1831 г. — разговор особый).

Зато — потом, особенно с конца века XIX!.. Как бы продолжая это творение Пушкина и исполняя завет его творца, на шедевр Гения русской поэзии откликнулись чуть ли не 60 авторов-поэтов (да еще и прозаики, и композиторы) XIX, XX, XXI столетий. Случай небывалый!.. А сколько еще не выявленных?

Основная часть этого материала вышла в книгах: «Муз бессмертная сестра» (1-е изд. — Вологда, 1999; 2-е — там же, 2004), часть — в антологии «Царское Село в поэзии» (СПб., 1999).

А здесь представлены в основном новонайденные авторы с их стихами и прозой и те из уже бывших во 2-м изд., кто ныне нуждается в уточнении их текстов или судеб... Иных уж нет...

Уточненные или исправленные тексты приводятся полностью, уточнения касательно судеб и публикаций их авторов — см. в примечаниях (там также новые данные о тех авторах, чьи тексты здесь не публикуются).

Знак * в примечаниях и в содержании/оглавлении означает, что данное произведение печатается вообще впервые.

ВЛАДИМИР ТАН

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ФОНТАН (Памяти Пушкина)

Вечно из урны разбитой прозрачной и сильной струею
Влаги сверкающий ключ льется на землю, звеня.
Мальчик, взобравшись на камень и смело вперед наклонившись,
Жадно припал к роднику, с риском свалиться долой.
Пей! упадешь, не беда: отважного Бог охраняет.
Встанешь и вновь утолишь юную жажду свою!
Но не иссякнет струя, серебряный звон не умолкнет,
Свежий и сладкий поток внуков твоих напоит.

ГРАФ ВАСИЛИЙ КОМАРОВСКИЙ

LA CRUCHE CASSÉE ¹

Ни этот павильон хандры порфиородной
(Предел, поставленный тоске простонародной),
Где сладострастие и дымчатый агат,
А ныне — факелов потушенный обряд;
Ни в триумфальный год воздвигнутая арка,
Где лицемерен цвет намеренно неяркий;
Ни гладь зеленая бесчисленных запруд,
Ни желтый мох камней, как будто плесень руд,
Ни скудном севере далекий отблеск Рима, —
Меня не повлекут назад необоримо.

Я тоже не пойду по траурным следам,
Где — равнодушная «к обидам и годам»
Обманутым стихом прославленная Расе ²
Стоит, довольная придворною удачей:
Помолодеть и ей внезапно довелось!
Отремонтирован ее «ужасный» нос
Ремесленным резцом, и выбелены раны,
Что накопили ей холодные туманы.

¹La cruche cassée (фр.) — разбитый кувшин.

²Расе (произносится: паче; итал.) — мир. Здесь: статуя богини мира. — Прим. составителя.

Я буду вспоминать, по-новому скупой,
Тебя, избитую обыденной тропой,
Сочувствием вдовы, насмешкой балагура —
С рукой подпертою сидящую понуро.
Я вечер воскрешу, и поглотят меня
Деревьев сумерки. Безумолчно звеня,
Пускай смешается с листвою многошумной
Гремучая струя и отдых мой бездумный.

РОНАЛЬД НЕЛЕПИН

У ДЕВУШКИ С КУВШИНОМ

Вот Девушка с кувшином... Нет, не вдруг
Меня сюда забросило судьбою.
Москву, Сибирь, Кавказ и Петербург
Оставил я с годами за собою.

Но Провиденье привело сюда.
Стою у Девы, Пушкиным воспетой.
Цветут здесь липы, клен и резеда,
И дуб могучий, к небесам воздетый.

Здесь музы собираются толпой
И совершают танец грациозный.
А по ночам История порой
Парад спешит устроить грандиозный.

Суворов, Ганнибал и Ушаков
Идут, чеканя шаг. Сверкают очи.
Звон сабельный и цоканье подков
Разносятся, нарушив царство ночи.

На тот парад являются подряд
Все лучшие российские пииты.
В ночи белеет праздничный наряд,
А волоса их лаврами увиты.

И Пушкин первый среди них — певец,
Отмеченный владыками Олимпа.
И Лермонтов за ним, его венец
Сияет от светящегося нимба.

За ним другие — все, кто не забыл
Народ России на стезе дворянской.
Но вот Есенин — всех он потеснил,
Идет, поет с гармошкой крестьянской.

Промчится ночь. Как призраки, они
Исчезнут за туманной пеленою...
Но думы их, как вечные огни,
Останутся нетленными со мною.

Склоняйся, Дева, источай печаль!
Убиты наши лучшие пииты!
Шуми, ручей, пусть слышат близь и даль —
Их песни на Руси не позабыты!

Я раскрываю здесь этюдник свой,
Ловлю тумана дымку, струй журчанье.
Вдруг детвора веселою гурьбой
Столпилась, слышу смех и замечанья.

«Смотрите, как похоже! Это — да!
Вот здорово! Ручей струится пенный!»
О дети! Счастлив видеть вас всегда!
Испьем воды от Вечности священной!

Вы наше счастье, и даю зарок:
Для вас трудиться, двигаясь к вершинам.
Когда же я закончу мой урок,
Прольет слезинку Девушка с кувшином...

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

ЦАСКОСЕЛЬСКОЙ ДЕВЕ С РАЗБИТЫМ КУВШИНОМ

Ах, Перетта, что с тобою?
Велика ль твоя беда?
Лафонтеновой тропою
Ты грустить пришла сюда.

Дай мне руку, вытри слезы,
И пройдемся по лугам,
Где ромашки и стрекозы,
Где не молкнет птичий гам.

Из ключа воды напьемся.
В окружении таком
Мы, быть может, обойдемся
Без кувшина с молоком.

Автор сам перевел это стихотворение на французский язык:

A LA JEUNE FILLE AU POT CASSE

Dis, Perette, quelle peine
A ton pauvre coeur noirci?
Le sentier de La Fontaine
T'a conduit en pleurs ici.

Sur la pierre où tu habites
Donne-moi la main, allons
Au monde des marguerites,
Des oiseaux et papillons.

Chasse donc ton rêve traître,
Pense à ce lieu qui te plaît!
Nous nous passerons, peut-être,
Oh, la, la! de pot au lait.

Есть и немецкий перевод, выполненный Б. Чулковым:

**ANS MÄDCHEN MIT DEM ZERBROCHENEN
KRUG IM ZARENDORF**

Ach, Perette, sag gerade,
Ob dein Unglück ist so schwer?
Auf dem Lafontaine'schen Pfade
Für den Kummer kamst du her.

Reich' die Hand! Und fort mit Weinen!
Gehen wir nach Wies' und Feld!
Falter flattern, Blumen scheinen,
Singt ihr Lied die Vogelwelt.

Laß uns trinken aus der Quelle!
Sieh: ringsum ist alles schmuck.
Und vielleicht wird deine Seele
Freudig ohne Milch und Krug.

ВЛАДИСЛАВ ШОШИН

У ЦАРСКОСЕЛЬСКОЙ МОЛОЧНИЦЫ С РАЗБИТЫМ КУВШИНОМ

Кувшин-то Дева не разбила.
Совсем иначе дело было.
— Кувшин надежд возьми, Поэт! —
Так вещей вдруг воззвал рассвет.

И с тем завещанным кувшином
Поэт и к псковским шел равнинам,
И с черноморскою волной
Дружил счастливою весной.

И снова к Деве мы приходим,
Как с Музы, глаз с нее не сводим:
Ведь песен пушкинских родник
Из нежных рук ее возник.

А Пушкин? Где он? Пушкин — где он?
Его не тронул черный демон;
За ним и по его пути
Дорогой вечной нам идти!

ГАЛИНА УСОВА

* * *

Я доберусь до парка,
Свидетеля веков.
Густеет листьев арка
Почти до облаков.

Тех песен звуки — где вы,
Что плыли здесь в тиши?
Гляжу: у этой Девы
Опять разбит кувшин.

Сидит она, горяя, —
Да в чем же тут беда?
Серебряные струи —
Теперь веков вода.

Не будь такой печальной,
Тебе же повезло!
Как нежен звон хрустальный,
В нем и добро, и зло.

Ты здесь зимой и летом,
Пусть век суров и лих, —
Так улыбнись поэтам
И Музой будь для них!

Автор сама перевела свое стихотворение на английский язык:

THE MAIDEN WITH A BROKEN JUG

I'll reach that very park
Which keeps the Ages' Gate;
Green leaves like a thin arc
Rise to the heaven straight.

Is there a song to sing
Which could be Ages' token?
The Maiden's at the spring,
Her jug again is broken.

We almost hear her scream,
Such grief this fate has brought her,
But hark! this silver stream
Is now the Ages' water.

Just listen to the clinging,
Oh, don't you be so sad!
The crystal stream is bringing
Us good as well as bad.

Our century is hard.
You're here through sun and rain,
So smile to every bard
And be their Muse again!

Я творенья Поэта с малых лет уж читал —
и одно (в нимбе света) дивной тайной признал.
Как пчела — светлый мёд, свет в него собирал он.
В нем Свет Света — весь Свет всей Вселенной собрал!

ОСЕНЬ У СЕСТРЫ В СУХАНОВЕ *

В Суханове стыло-глухая пора:
с цепей посрывались лихие ветра.
Что толку затеплить лампаду?..
Ни в чем уже нету отрады.

И статуя-дева печальна сидит,
над урной своей безутешно грустит.
А ей утешенья так надо...
Да где ж на безлюдье отрада!

* Копия «Царскосельской статуи» около 1828 г. обрела жизнь в селе Суханове Московской губернии (имение князей Волконских). Насколько пока известно, в русской поэзии о ней нет ни единого слова/отзыва, также как и о копии (или копиях ?) в Германии.

Далёко отсюда Царёво Село —
сестра над кувшином склонила чело...
Добраться б до этого града —
была бы обеим отрада...

Да что ж? Не притворство ль сестрица таит? —
Идут к ней всегда: кто и льстит, кто и чтит,
чье сердце — не плац для парада...
Но это и есть ей: отрада.

Сестра из Царёва внушила б меньшей,
что старость еще не стоит над душой:
восторг и приветливость взгляда
вовек им пребудут — отрадой...

АНДРЕЙ МОРОЗОВ

* * *

Кувшин разбит...
Осознана потеря...
Кристалльных чувств печальная пора.

ИННА РОСТОВЦЕВА

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

Она осталась в Невозможного саду,
Где вперемешку ласточки и музы,
Лицей, в который никогда я не войду,
И не найду священнее союза
Поникшей девушки и свежих черепков,
Замедленно горюющего жеста.
Разбита красота — бессильная без слов,
И на Земле не получить ей места.

ВЕРА СТЕПАНОВА

* * *

Что сатанеть от безысходной яви,
От Петербурга грязного, как ветошь,
От мерзости бутылок и пакетов
На льду Невы, и Мойки, и Фонтанки.
Что изводиться, если предстоит
Остаток дней средь неуютных улиц,
Порушенных иль обветшалых зданий
Отыскивать творения Кваренги,
Растрелли, Монферрана и беситься,
И знать, что черепка у царскоселки
В ладошке нет, что вечная струя
Поругана пустым, как дым, потомком.
Кусочек меди, отыщись, восстань,
Возмездьем рухни, отомсти безродным!..
Но затаился скорбно и молчит он,
И судит нас.

ВАЛЕНТИНА ЕФИМОВСКАЯ

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

Над источником светлым, осанна,
Муза, нимфа, любовь иль весна?
Позову ее робко: «Анна!», —
И откликнется мне она:
Царскосельской прозрачною далью,
Белоснежным цветеньем куста,
Неизбывною сладкой печалью
И сияньем золотого креста.

* * *

Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

А. С. Пушкин

Жива душа бессонного потока,
Журчащего и в зной, и подо льдом,
А ты над ним смиренна, одинока,
Всё измеряешь Вечность черепком.

Пускай по моде эллинской одета,
Но над тобою русский лес гудит,
И кажется — не солнца лучик это,
А крестик медный на твоей груди.

НАДЕЖДА КОРНИЛОВА

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЕ СТАНСЫ

*И туда не вернусь. Но Возьму и за Лету с собою
Очертанья живые моих царскосельских садов.*

Моею Музой оказалась мука.

Анна Ахматова

Ивы, липы и сирени —
Вот он, мой жестокий город,
Анны горькое горенье,
Мрак, что молнией распорот...

Хоть любила — не вернулась,
Хоть страдала — не простилась.
Только Музой обернулась,
Только мукой окрестилась.

Но вовек не канут в Вечность
Сокровенные напевы...
Льется, льется Бесконечность
Из кувшина бедной Девы.

С неразгаданными снами,
Что навеял Сарский остров, —
Вот сидит она пред нами...
Важны в парке братья-сестры!

В ней же — горечь русской думы
И вселенской скорби признак...
Нет, не скажешь, что угрюма, —
Есть лишь Рока призыв, призрак.

Что ж — подружка Бедной Лизе?
Нет... Своя у ней полянка...
О, заложница на мызе,
Горемычная селянка!

Но, всей сутью потрясая,
Сколько строк сумела выжать!..
Так сидит она, босая,
Чтобы вытерпеть и выжить.

Не загадка ль жизни сущей
В городе увеселений,
Средь зеленых буйных кущей
И неистовых сиреней?

ЕЛЕНА ЖАБИНКОВСКАЯ

* * *

Белка желудь со смехом роняет с дерева...
Не сезон. Пусты царскосельские парки.
Осень все украшенья давно примерила
И швырнула прочь с торжеством дикарки.

Но пока не забиты в ящики статуи,
Я иду на свидание к пушкинской Деве,
Что с осколком кувшина сидит в медитации,
При своем источнике, как при деле.

Неподвижен пруд. Словно гостя поздняя,
Я бреду одна по пустой аллее.
Перезвон хрустальный синицы и поползняя —
Голоса челюсты и укулеле.

ЕЛЕНА БЕНИНА

ДЕВУШКЕ С КУВШИНОМ

Без вдоха, без звука, без аха восторга
Смотрю на задумчивый профиль лица.
С тобой мы похожи, но все ж не настолько,
Чтоб слиться, сродниться — в одно, до конца.
А сколько ветров у тебя целовали
Блестящую холодность голых ступней,
А сколько пушистых снегов одевали
Тебя в пору вьюжных, метелистых дней!
О чем ты грустишь на угрюмом граните,
За стенами легких сплетенных ветвей?
Участницей скольких ты стала событий,
Склонившись печально над урной своей?

АННА ЖЕРНОВА

ЦАРСКОСЕЛЬСКОЕ УТРО

Лениво гаснет звездный свет.
Синь над асфальтом строгих улиц.
Крадётся из-за крыш рассвет,
Стекло прозрачное целует.

Роса серебряным узором
Приникла к травам молодым,
И пар на дремлющих озерах
Ложится облаком седым.

Березки серьги понадели,
Тела намывши добела,
И в чистом воздухе апреля
Сверкнули бронзой купола.

Со звоном катится в ложбине
Поток неугомонных вод,
Печальна девушка с кувшином,
Восхода солнечного ждет.

За стройною лицейской аркой
Повисли мостики литые,
А в глубине деревьев парка
Открылись окна голубые!

ТАТЬЯНА КУБРИКОВА

* * *

Есть в городе моем места такие,
Что лучше в целом мире не найдешь.
Места, где можно отдохнуть душою,
Но это все не сразу ты поймешь.
И лишь уехав далеко, надолго,
Ты будешь вспоминать любимые места:
Большой каприз, «Молочницу с кувшином»,
Великолепие Зеркального пруда...

ОЛЬГА СИБАКИНА

СОН ПЕРЕТТЫ

Всё льется и льется вода из кувшина...
Навеки печальной я в камне застыла.
И снится мне сон, что лесною опушкой
Бегу босиком — деревенской простушкой.

Румянцем окрасились щеки, и вновь
Волнует мне сердце горячая кровь.
О чем-то мечтая, куда-то спешу.
О чудо! Я вижу, я слышу, дышу!..

Растаял мой сон, и реальность настала,
И снова холодной богиней я стала.
И в жизни моей лишь одно утешенье —
Любимым садам быть всегда украшеньем!

НИКОЛАЙ ПУНИН

ДНЕВНИК. 1923 ГОД

(Отрывок)

8 января

Ездили с Галей в Павловск. Мою вину перед ней мог бы искупить только любовью, а любви нет, и ее не сделать. Нельзя сказать, чтобы была только привычка, но любовь — привязанность, а не любовь; вроде как к веселой и милой сестре. Из всего, что есть, самое мучительное — ее обманывать, а самое ужасное — ее мучить, делаю и то и другое. Ан. все это понимает и бережет меня беспримерно; зачем только? что она знает, что предвидит?

Целый день чувствовал ее со светлой нежностью, в темноте и шуме Павловского парка темный ее лик. В моей любви — благоговение; больше всего боюсь причинить ей боль, и всё — желание повторять слова о ее внешнем облике: о лице, о волосах, о руках, и как сидит на полу; она сидит, как девушка с кувшином в Царскосельском парке.

ДНЕВНИК. 1925 ГОД

(Отрывок)

7 мая

Вчера с утра поехал в Царское с фотографическим аппаратом. Был теплый солнечный день. Пошли с Ан. в парк, снял ее у «девушки воспетой». Весь день провели вместе, и я

остался у нее ночевать. Всё говорили о совместной жизни, о том, чтобы снять «две самые комки в Коломне» (чтоб дальше от людей) — и жить.

Думать и говорить об этом блаженно, неужели этому не суждено быть?..

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ИСКУССТВО ВЕЛИТ НАМ БЫТЬ ЛУЧШЕ (Отрывок)

...Если мы возьмем царскосельские литографии 1820-х годов, выполненные Вангером, и сравним их с фотографиями наших дней, то увидим, что город Пушкин почти неприкосновенен...

...Этот замечательный город, столь важный в русской культуре, достоин быть народным заповедником. В июньские дни Пушкинских торжеств мне довелось посетить его — вместе с И. Андрониковым и Э. Межелайтисом я вел иностранную делегацию по садам и паркам, галереям и тропинкам, дворцам и аллеям. Это была славная прогулка. Я рассказывал членам делегации о своей родине и был счастлив и молод.

Меня спрашивали о старожилах этого города, и я говорил, что у всех жителей особенное отношение к Пушкину, что он ощущается постоянно присутствующим на этом зеленом острове. Я рассказывал о «Царскосельской статуе», при одном взгляде на которую вспоминаются ахматовские строки:

*...И ослепительно стройна,
Поджав незябнущие ноги,
На камне северном она
Сидит и смотрит на дороги...*

Удивительна и божественна эта скульптура. Ее создал тот же самый П. П. Соколов, который изваял грифонов на Львином и Банковском мостах через канал Грибоедова и сфинксов у Большого Египетского моста через Фонтанку.

Скульптура эта чиста и лирична, может быть поэтому она и произвела такое впечатление на Пушкина:

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.

Дева печально сидит, праздный держа черепок.

Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;

Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит...

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

КАМЕШКИ НА ЛАДОНИ (Один из этюдов книги)

Пушкин написал замечательное стихотворение о царско-сельской статуе. Все его знают.

*Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой.
Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.*

Получилась невольная литературная мистификация. Статуя эта (скульптора Соколова, 1810 года) на сюжет басни Лафонтена называется, увы, «Молочница», всего-навсего молочница, разбившая вовсе не урну с водой, а кувшин с молоком.

АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВСКИЙ

АННА АХМАТОВА (Отрывок)

... Ахматова, вслед за своим духовным предтечей — Анненским, глубоко чтит весь предшествующий богатый мир человеческой культуры — от древних эллинов и египтян до Толстого и Чехова. Пушкин, которого футуристы сбрасывали с так называемого парохода современности, был для нее святыней, неоскудевающим источником творческой радости и вдохновения. Она пронесла эту любовь через всю свою жизнь, не побоявшись даже темных дебрей литературоведения, куда входила не однажды, чтобы прибавить к биографии любимого поэта несколько новых штрихов¹.

В «Вечере» Пушкину посвящено стихотворение из двух строф, очень четких по рисунку и трепетно-нежных по интонации.

Любовь к Пушкину усугублялась еще и тем, что по стечению обстоятельств Анна Ахматова — царскоселка, ее отроческие, гимназические годы прошли в Царском Селе, теперешнем Пушкине, где и по сей час каждый невольно ощущает неисчезающий пушкинский дух, словно навсегда поселившийся на этой вечно священной земле русской Поэзии. Конечно, в Царском многое изменилось, теперь это город с новыми квар-

¹ А. Ахматовой принадлежат статьи: «Последняя сказка Пушкина» (о «Золотом петушке»), «Адольф» Бенжамена Констанана в творчестве Пушкина», «О «Каменном госте» Пушкина», а также работы: «Гибель Пушкина», «Пушкин и Невское взморье», «Пушкин в 1828 году» и др.

талами, новыми улицами, но Лицей и небо те же и так же грустит девушка над разбитым кувшином, шелестит парк, мерцают пруды и, по-видимому, так же (или — иначе?) является Муза бесчисленным паломничающим поэтам...

Для Ахматовой Муза всегда — «смуглая». Словно она возникла перед ней в «садах Лицея» сразу в отроческом облике Пушкина, курчавого лицеиста-подростка, не однажды мелькавшего в «священном сумраке» Екатерининского парка, — он был тогда ее ровесник, ее божественный товарищ, и она чуть ли не искала с ним встреч. Во всяком случае ее стихи, посвященные Царскому Селу и Пушкину, проникнуты той особенной окраской чувства, которую лучше всего назвать влюбленностью, — не той, однако, несколько отвлеченной, хотя и экзальтированной влюбленностью, что в почтительном отдалении сопровождает посмертную славу знаменитостей, а очень живой, непосредственной, в которой бывают и страх, и досада, и обида, и даже ревность... Да, даже ревность! Например, к той красавице с кувшином, которую ОН любовался, воспел и навек прославил... и которая теперь так весело грустит, эта нарядно обнаженная притворщица, эта счастливица, поселившаяся в бессмертном пушкинском стихе!

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.

Дева печально сидит, праздный держа черепок.

Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;

Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

Ахматова с женской пристрастностью вглядывается и в знаменитое изваяние, пленившее когда-то поэта, и в пушкинский стих. Ее собственное стихотворение, озаглавленное (не без тайного укола!), как и у Пушкина, «Царскосельская статуя», дышит чувством уязвленности и досады:

*И как могла я ей простить
Восторг твоей хвалы влюбленной...
Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной.*

Надо сказать, что небольшое ахматовское стихотворение безусловно одно из лучших в уже необозримой сейчас поэтической Пушкиниане, насчитывающей, по-видимому, многие сотни взволнованных обращений к великому гению русской литературы. Но Ахматова обратилась к нему так, как только она одна могла обратиться, — как влюбленная женщина, вдруг ощутившая мгновенный укол нежданной ревности. В сущности, она не без мстительности доказывает Пушкину своим стихотворением, что он ошибся, увидев в этой ослепительно стройной красавице с обнаженными плечами некую вечно печальную деву. Вечная грусть ее давно прошла, и вот уже около столетия она втайне радуется и веселится своей поистине редкостной, избраннической, завидной и безмерно счастливой женской судьбе, дарованной ей пушкинским словом и именем...

НИКОЛАЙ СКАТОВ

КНИГА ЖЕНСКОЙ ДУШИ (О поэзии Анны Ахматовой) (Отрывок)

... В своей поэтической сфере Ахматовой пришлось сыграть основополагающую роль, подобную пушкинской в сфере всеобщей. Первая, она должна была прийти, прибегнуть, припасть к нему — первому. И здесь она опять-таки выступила героиней «романа», вступив в особые, именно жизненно-литературные отношения. Близкая и многолетняя приятельница Ахматовой Л. Я. Гинзбург, определяя такие отношения, сказала простодушно и точно: «Да она его ревновала». Ревность — в качестве подлинной — мстительна, беспощадна и универсальна: буквально ко всему, во всяком случае, к женскому.

Пушкин, как когда-то говорили, воспел знаменитую царскосельскую статую-фонтан. Вернее, сделал ее знаменитой, воспев:

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.

Дева печально сидит, праздный держа черепок.

Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;

Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

Ахматова своей «Царскосельской статуей» ответила раздраженно, почти разъяренно:

*И как могла я ей простить
Восторг твоей хвалы влюбленной...
Смотри, ей весело грустить
Такой нарядно обнаженной.*

Ведь это звучит так: «Пушкин, Боже мой, ты же ошибся, Пушкин: *она* — царскосельская статуя — не такая, какой ты ее увидел, — не *та*». Не такая, какой поэт ее увидел, и другая *она* — Наталья Гончарова — не *та*.

Именно отсюда и враждебно-настороженное отношение к жене Пушкина — изначальное неприятие...

ВСЕВОЛОД ГРЕХНЁВ

«АНФОЛОГИЧЕСКИЕ ЭПИГРАММЫ»

(Отрывок)

... На минимальном пространстве антологических миниатюр болдинской поры открывается необозримая поэтическая ширь...

...«Царскосельская статуя» — произведение редкого художественного совершенства, единственное в своем роде в русской поэзии вообще. В 1836 году Пушкин напишет еще две антологические пьесы, навеянные скульптурными сюжетами: «На статую играющего в свайку» и «На статую играющего в бабки». Они прекрасны: отточенное совершенство формы, сдержанная динамичность образа, пластическая рельефность каждой детали. Но философской объемности изображения, многоаспектности художественного видения, которыми отмечена «Царскосельская статуя», в них нет. «Царскосельская статуя» — произведение об античности и о «вечной струе» бытия, о мудрой печали человеческой, склонившейся над потоком жизни, и о могучей силе искусства, способной удерживать и заковывать в вечно живые формы творчества быстротечный миг. И вся эта «бездна пространства» сосредоточена в четырех строках пушкинского текста:

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.

Дева печально сидит, праздный держа черепок.

Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;

Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

Стихотворение было написано под впечатлением от знаменитой скульптуры Соколова. Она уже сама по себе принадлежит к такому уровню совершенства, с которым трудно соперничать. И гениальность пушкинской миниатюры тем поразительней, что ее поэтический образ, на первый взгляд, верный словесный «слепок» царскосельской статуи, не содержит в себе ничего, что не было бы заключено в соколовском сюжете. Кажется, Пушкин лишь к тому и стремился, чтобы поэтически описать статую. Но так только кажется...

... В скульптурном изображении Соколова Пьеретта склонилась над разбитым кувшином. У Пушкина вместо кувшина — «урна». Принадлежность этой детали античному кругу поэтических ассоциаций не вызывает ни малейшего сомнения. Да и «вечная струя» жизни — символ, насыщенный античными философскими ассоциациями. Образ потока, реки бытия, знаменующий вечное обновление и одновременно вечное постоянство неиссякающей жизненной стихии, — к этому символу не однажды прибегали античные философы, начиная с Гераклита. Античный колорит его стерся со временем от многократных прикосновений. Но сила великого искусства, между прочим, заключается и в том, что оно оберегает «вечные образы» от возможного овеществления, очищая время от времени их «магический кристалл», так чтобы сверкали все его грани и чтобы в глубине этого свечения открывался взору тот первоначальный мудрый свет, которым он был наделен у истоков своих...

ЦАРСКОЕ СЕЛО

Среди всех прекрасных пригородов Петербурга мой город — Царское Село — самая редкая жемчужина. Здесь удивительно сочетается праздничная роскошь дворцов и парков с сельской уютной тишиной. В Царском Селе царит дух истории, романтики, поэзии. Город волнует сердце неповторимой красотой! В любое время года, в любую погоду сады Царского Села дарят людям истинное наслаждение:

*Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум...*

В тени густых деревьев находится знаменитый фонтан-памятник «Девушка с кувшином»:

Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит...

Здесь тихо и спокойно. Птицы прилетают к прозрачному источнику, чтобы утолить жажду. Усталый путник может посидеть на старинной чугунной скамейке, полюбоваться чарующей статуей и задумчивыми пейзажами парка. Рядом растет старый раскидистый куст можжевельника и вековая лиственница. На лугу стоят великовозрастные вязы и могучий дуб.

Теплыми сентябрьскими днями, когда листва пламенеет желтыми, красными, оранжевыми цветами на фоне синего неба, я люблю бывать здесь.

В лучах угасающего солнца прозрачная вода фонтана журчит и искрится. Дунет прохладный ветер, и сказочная скульптура оживает. Тихо плачет печальная девушка. Она грустит о великом поэте, который навсегда покинул Царско-сельский парк.

АЗАМАТ ЯФИЗОВ

ТАЙНЫ ЕКАТЕРИНИНСКОГО ПАРКА (Отрывок)

Я люблю гулять в Екатерининском парке. Я провожу там почти все мое свободное время. Особенно мне нравится гулять там по вечерам. Мне кажется, что вечером скульптуры и здания приобретают совершенно другие очертания. Иногда я слышу, будто статуи разговаривают и двигаются.

Атланты Екатерининского дворца жалуются на тяжкую ношу. Некоторые статуи хвастаются отреставрированными к трехсотлетию города одеждами, обсуждают мастеров и посетителей.

Вдалеке слышатся кряхтение и ругань: это могучий Геракл ругает промозглые северные ветры...

...По соседству с Гераклом живет Флора — богиня цветов и растительности. Она недовольно очищает свои одежды от мороженого, оставленного одним из посетителей. Она поведала мне, что они с Гераклом живут на пилонах Камероновой галереи со дня ее постройки. Во время великой Отечественной войны их закопали, другим статуям повезло меньше: их закопать не успели... Геракла и Флору реставрировали три раза, так мне рассказала Флора. А сколько раз их мыли! Ведь посетители оставляли после себя столько грязи и надписей, думая о статуях, как о куске металла, умело обработанного мастером. А они на самом деле живые, и им больно видеть такое отношение к себе, ведь они его не заслужили!

Но звуки перешептывания статуй разрывает плач... Кто же это плачет? А не кто иная, как «Девушка с кувшином». Она ничего не говорит, только плачет о своей беде. Днем этот плач не слышен, слышно только журчание воды, которое сливается со звуками плача.

Эта скульптура — одна из молодых в парке, она заменила ту, что была снята по вине ночных посетителей, которые облили ее каким-то реагентом. Старую с трудом удалось спасти, теперь она скрыта от всех в подвалах Резервного фонда музея-заповедника.

Может, людям пора понять, что скульптуры не только материал, умело обработанный мастером, но и такие же живые существа, как я с тобой! А если не веришь, сходи вечером в парк...

ФИЛИПП ПОРУБАЕВ

ПРОГУЛКА ПО ПАРКАМ (Отрывок)

Мы с друзьями бродим по Екатерининскому парку Царского Села. Нас встречает озеро, подернутое легкой дымкой. Оно завораживает своей голубизной. Озеро, как живое, словно зовет куда-то.

Деревья шепчут, что они видели императрицу. В глубоких складках их морщинистой и одновременно нежной коры таятся загадки: кто посадил эти деревья, сколько они уже прожили и еще будут жить...

Впереди виднеется Камеронова галерея. Нас встречают Геркулес и Флора. Кажется, что галерея парит в воздухе. Это впечатление создается потому, что ее нижняя часть создана из серого камня, а верх состоит, фактически, только из колонн и окон.

По берегу озера мы идем к печальной статуе «Девушка с кувшином», созданной в начале девятнадцатого века скульптором Соколовым. Много прекрасных строк посвятили ей русские поэты...

... Не хочется возвращаться из сказочного путешествия в городскую жизнь. Думается, как хорошо жить в Царском Селе и гулять по его паркам!

ПРИМЕЧАНИЯ

Владимир Германович Тан (псевдоним; наст. фамилия — Богораз; 1865–1936; во 2-м изд. «Сестры муз» проходил под журнальным псевдонимом Германов) — поэт, прозаик, также этнограф. В 1883 принял Православие. Непременный участник партии «Народная воля» и других партий. Написал уйму революционной риторики — псевдопоэтических стихов; ну да хоть одно истинное стихотворение (причем на пушкинскую тему) все-таки да написал.

Царскосельский фонтан (до 1899 г.)

Печ. по изд. «Стихотворения» (СПб., 1910) — как последняя авторская редакция (с исправлением 2 строк по сравнению с журн. публикацией).

Граф Василий Алексеевич Комаровский

Новые данные о нем: после сильного нервного припадка брат увез его в свое подмосковное имение, затем там последовало ухудшение здоровья (сердечный приступ), и там же поэт ушел из жизни. Похоронен на кладбище Донского монастыря в Москве. Брат его — Владимир — был профессиональным художником. Сам поэт до замужества Анны Ахматовой хотел на ней жениться.

La cruche cassée

Печ. с исправлением в одной строке.

Татьяна Владимировна Бернацкая

Новое: все же сумела издать свою персональную книгу стихов и прозы в Бразилии («Крошки жизни», Сан-Пауло, 1965).

Елизавета Константиновна Стюарт (1906—1980-е гг.) — поэт. Уроженка Томска, затем жила в Новосибирске. Автор многих стихотворных книг, выходивших в Новосибирске и

Москве и пользовавшихся в свое время большим читательским спросом.

В Екатерининском парке (1958)

Печ. по посмертной кн. «На зеленых моих островах» (М., 1989).

Илья Николаевич Быстров

Город Пушкин

Новое: первая публикация стихотворения состоялась в 1963 г. (журн. «Огонек», № 28).

Рональд Аполлонович Нелепин

У Девушки с кувшином

Здесь печатается с исправлением одной строки.

Владимир Ефимович Васильев

Царскосельской Деве с разбитым кувшином

Вслед за авторским переводом на французский язык публикуется и немецкий перевод Б. Чулкова (2004).

Игорь Владимирович Инóв (1930—2003)

Поэт ушел из жизни летом 2003 г.

Владислав Андреевич Шошин

У царскосельской молочницы с разбитым кувшином *

Здесь публикуется ранняя авторская редакция: версия, имеющая самостоятельное художественное значение.

Галина Сергеевна Усова

«Я доберусь до парка...»

Стихотворение публикуется здесь с исправлением ошибки в 1-й строке и с авторским переводом на английский язык (2004).

Свое раннее стихотворение о Сестре муз автору разыскать не удалось.

Борис Александрович Чулков

175 *

Стихотворение из цикла «В русле Хайяма» (2004).

Осень у сестры в Суханове (2004) *. Оба печ. впервые.

Иван Платонович Богданов (1932—2003)

Поэт ушел из жизни летом 2003 г.

Андрей Андреевич Морозов (род. 1934) — поэт-петербуржец. Автор 2 книг стихов и книги прозы. Пишет стихотворения и в форме японских хокку.

«Кувшин разбит...» *

Печ. по «Невскому альманаху» (№ 3, 2004) — в подборке, посвященной выходу 2-го изд. «Сестры муз».

Инна Ивановна Ростовцева (род. 1938) — литературный критик, литературовед, поэт и переводчик. Автор ряда книг, в том числе: «Сокровенное в человеке» (1968), «Николай Заболоцкий. Опыт художественного познания» (1984), «Между словом и молчанием. О современной поэзии» (1989) и других, а также сборника «Стихи частного человека» (1999). Живет в Москве.

Царскосельская статуя (2003) *

Печ. впервые по рукописи, присланной автором.

Вера Александровна Степанова (род. 1941) — поэт. Автор книг «Россыпи лет» (1997) и «Лишь силуэт в окне» (1999) — обе изданы во Владивостоке. Живет в гор. Колпино Ленинградской обл.

«Что сатанеть от безысходной яви...» *

Стих-е печ. по рукописи, присланной из Петербурга.

Валентина Валентиновна Ефимовская (родилась, вероятно, в начале 50-х гг. XX века в Ленинграде) — поэт. Автор нескольких книг, в том числе: «Аллея любви», «Долгий свет», «Приют для души», «Третий путь». Живет в СПб. 2 из своих книг прислала составителю.

Царскосельская статуя *

Печ. по кн. «Долгий свет» (1998).

«Жива душа бессонного потока...»

Печ. по кн. «Третий путь» (2002).

Надежда Александровна Корнилова

Новые данные: родилась и жила в Павловске, уже долгое время живет в Царском Селе.

Царскосельские стансы

Стихотворение, в котором все отчетливо и в то же время привлекает своей крайней нетрадиционностью и своеобразием.

Печ. здесь с исправлением одной строки.

Елена Михайловна Жабинковская

«Белка желудь со смехом роняет с дерева...»

Стих-е печ. с исправлением опечатки в строке 11.

Елена Бенина — юная поэтесса. Родилась около 1978 г., поскольку в издании «Новая царскосельская поэзия» (Царское Село, 1993) сказано, что ей 15 лет.

Девушке с кувшином *

Печ. по указанному сборнику.

Анна Жернова — участница того же сборника. Родилась около 1981 г. (на тех же основаниях, что и предыдущий автор).

Царскосельское утро *

Печ. по той же книге.

Татьяна Кубрикова (13 лет, учащаяся, живет в Царском Селе)

«Есть в городе моем места такие...»

Печ. по изд. «Царскосельская осень», СПб. — Пушкин, 2004 (сб. литературно-творческих работ учащихся).

Ольга Алексеевна Сибакина (род. 1991) — победительница конкурса юных поэтов в Царском Селе (2001), самая молодая участница нашей антологии о Сестре муз.

Сон Перетты

Печ. по тому же сб., что и предыдущий автор.

Николай Николаевич Пунин (1888—1953) — виднейший искусствовед, писал также стихи и прозу, с детства жил в Царском Селе, с 1923 г. — муж Анны Ахматовой. Подвергся репрессиям, скончался в лагере. Автор мемуарных «Дневников» (М., 2000). Здесь публикуются небольшие фрагменты-отрывки, касающиеся Ахматовой и статуи — в связи с нею.

Галя — жена Н. Пунина.

Коломна — окраинный район Петербурга, место обитания мелких чиновников и простонародья, где одно время жил и молодой Пушкин.

Комка (или комука) — комната. Слово из «домашнего» лексикона Ахматовой и Пунина.

Всеволод Александрович Рождественский

Искусство велит нам быть лучше *

Отрывок взят из статьи автора (газ. «ЛитРоссия», № 32 за 1974 г.).

Упоминание о Межелайтисе едва ли уместно и имеет комплиментарный характер: «европеец» Межелайтис никогда особой любовью к России и Царскому Селу не отличался.

Владимир Алексеевич Солоухин

Камешки на ладони (один и этюдов книги) *

Даже трудно было ожидать, что наряду с рассказом «Наша дама» здесь наш автор подходит к Пушкину и к статуе с какой-то чисто прозаической/прагматической точки зрения. Алгеброй — гармонию? Или — наоборот? И тем не менее берем этот отклик большого русского прозаика и поэта — как одно из разноречивых мнений о статуе (да и о Пушкине — в связи с каждым из его творений).

Печ. по изд. Владимир Солоухин. Камешки на ладони (М., 1988).

Алексей Ильич Павловский (род. 1926) — литературовед, критик, сотрудник Пушкинского Дома. Живет в СПб. Автор многих книг и литературоведческих работ, в частности об Ахматовой и Цветаевой — ей посвящена кн. «Куст рябины» (1989).

Отрывок взят из кн. «Анна Ахматова» (Л., 1966). *

Николай Николаевич Скатов (род. 1930) — виднейший современный литературовед, директор Пушкинского Дома. Академик. Автор многих книг о русской литературе, в том числе и монументальной юбилейной биографии Пушкина — «Русский гений» (М., 1999).

Книга женской души

Отрывок взят из статьи/предисловия к двухтомнику Анны Ахматовой (М., 1990). *

Всеволод Алексеевич Грехнёв (биограф. данных нет) — литературовед, пушкиновед. Автор книг: «Болдинская лирика А. С. Пушкина» (Ниж. Новгород, 1980), «Мир пушкинской лирики» (там же, 1994) и др.

«Анфологические эпиграммы» (фрагмент главы из кн. «Мир пушкинской лирики»).

Печ. по указанному изд.

Анфологические (современный вариант — *антологические*), т.е. в духе античной, древнегреческой антологии, где и слово *эпиграмма* не имеет позднейшего значения короткого сатирического стихотворения, кого или что-либо осмеивающего.

Думается, что автор, похоже, полемизирует и с В. Солоухиным, этюд которого из кн. «Камешки на ладони» см. выше.

Михаил Михайлович Дунаев

Новое о нем: кандидат филологических наук и богословия. Автор книг о Тургеневе и великом русском художнике Борисове-Мусатове, а также исследования «Православие и русская литература» (в 6 томах, 1996—2000). Родился в 1945 г.

Софья Князькова (12 лет, Ц.С.)

Царское Село

Печ. по сб. «Царскосельская осень».

Азамат Яфизов (14 лет, Ц.С.)

Тайны Екатерининского парка (Отрывок)

Печ. по тому же сб.

Филипп Порубаев (11 лет, Ц.С.)

Прогулка по паркам (Отрывок)

Печ. по тому же сб.

Цезарь Антонович Кюи (1835–1918) — русский композитор, потомок французских эмигрантов. Входил в «Могучую кучку» — содружество композиторов XIX века: Балакирев,

Бородин, Мусоргский, Римский-Корсаков и он сам. Автор многих музыкальных сочинений, ныне забытых. Исключение составляют его романсы на стихи поэтов XIX столетия. И в первую очередь — «Царскосельская статуя» — романс, признаваемый лучшим из 6 переложений этого пушкинского текста на музыку.

Ну вот он нынче и озвучен на компакт-диске, посвященном 200-летию А. С. Пушкина (исполнитель — замечательный певец Дмитрий Степанóвич).

Ноты романса Цезаря Кюи мы тоже вправе взять в эту книгу. Да будет он звучать! Если возможно...

ЦЕЗАРЬ КЮИ

НОТЫ РОМАНСА НА ТЕКСТ А. С ПУШКИНА

Andante

The first system of the musical score consists of three measures. The top staff is a single treble clef with a whole rest in each measure. The bottom two staves are a grand staff (treble and bass clefs) with a piano (*pp*) dynamic marking. The piano accompaniment features a melodic line in the right hand with a slur over three eighth notes in each measure, and a bass line in the left hand with a dotted quarter note in each measure. The key signature has four flats (B-flat, E-flat, A-flat, D-flat).

The second system of the musical score consists of three measures. The top staff contains the vocal line with lyrics: "Ур - - - ну с_во -". The bottom two staves are a grand staff with piano accompaniment, identical to the first system. The key signature remains four flats.

7

дой у - ро - нив, об у -

10

тес е - е де - ва раз - би - ла

СОДЕРЖАНИЕ

175	3
ВЛАДИМИР ТАН	4
ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ФОНТАН (ПАМЯТИ ПУШКИНА)	4
ГРАФ ВАСИЛИЙ КОМАРОВСКИЙ	5
LA CRUCHE CASSEE	5
ЕЛИЗАВЕТА СТЮАРТ	7
В ЕКАТЕРИНИНСКОМ ПАРКЕ *	7
РОНАЛЬД НЕЛЕПИН	8
У ДЕВУШКИ С КУВШИНОМ	8
ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ	10
ЦАРСКОСЕЛЬСКОЙ ДЕВЕ С РАЗБИТЫМ КУВШИНОМ	10
A LA JEUNE FILLE AU POT CASSE	10
ANS MÄDCHEN MIT DEM ZERBROCHENEN KRUG IM ZARENDORF *	11
ВЛАДИСЛАВ ШОШИН	12
У ЦАРСКОСЕЛЬСКОЙ МОЛОЧНИЦЫ С РАЗБИТЫМ КУВШИНОМ *	12
ГАЛИНА УСОВА	13
«Я ДОБЕРУСЬ ДО ПАРКА...»	13
THE MAIDEN WITH A BROKEN JUG *	14

БОРИС ЧУЛКОВ	15
175 *	15
ОСЕНЬ У СЕСТРЫ В СУХАНОВЕ *	15
АНДРЕЙ МОРОЗОВ	17
«КУВШИН РАЗБИТ...» *	17
ИННА РОСТОВЦЕВА	18
ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ *	18
ВЕРА СТЕПАНОВА	19
«ЧТО САТАНЕТЬ ОТ БЕЗЫСХОДНОЙ ЯВИ...» *	19
ВАЛЕНТИНА ЕФИМОВСКАЯ	20
ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ *	20
«ЖИВА ДУША БЕССОНОГО ПОТОКА...»	20
НАДЕЖДА КОРНИЛОВА	21
ЦАРСКОСЕЛЬСКИЕ СТАНСЫ	21
ЕЛЕНА ЖАБИНКОВСКАЯ	23
«БЕЛКА ЖЕЛУДЬ СО СМЕХОМ РОНЯЕТ С ДЕРЕВА...»	23
ЕЛЕНА БЕНИНА	24
ДЕВУШКЕ С КУВШИНОМ *	24
АННА ЖЕРНОВА	25
ЦАРСКОСЕЛЬСКОЕ УТРО *	25

ТАТЬЯНА КУБРИКОВА	26
«ЕСТЬ В ГОРОДЕ МОЕМ МЕСТА ТАКИЕ...» *	26
ОЛЬГА СИБАКИНА	27
СОН ПЕРЕТТЫ	27
НИКОЛАЙ ПУНИН	28
ДНЕВНИК. 1923 ГОД	
(ОТРЫВОК) *	28
ДНЕВНИК. 1925 ГОД	
(ОТРЫВОК) *	28
ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ	30
ИСКУССТВО ВЕЛИТ НАМ БЫТЬ ЛУЧШЕ (ОТРЫВОК) *	30
ВЛАДИМИР СОЛОУХИН	32
КАМЕШКИ НА ЛАДОНИ	
(ОДИН ИЗ ЭТЮДОВ КНИГИ) *	32
АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВСКИЙ	33
АННА АХМАТОВА (ОТРЫВОК) *	33
НИКОЛАЙ СКАТОВ	36
КНИГА ЖЕНСКОЙ ДУШИ	
(О ПОЭЗИИ АННЫ АХМАТОВОЙ)	
(ОТРЫВОК) *	36
ВСЕВОЛОД ГРЕХНЁВ	38
«АНФОЛОГИЧЕСКИЕ ЭПИГРАММЫ»	
(ОТРЫВОК) *	38

СОФЬЯ КНЯЗЬКОВА	40
ЦАРСКОЕ СЕЛО *	40
АЗАМАТ ЯФИЗОВ	42
ТАЙНЫ ЕКАТЕРИНИНСКОГО ПАРКА	42
(ОТРЫВОК) *	42
ФИЛИПП ПОРУБАЕВ	44
ПРОГУЛКА ПО ПАРКАМ	
(ОТРЫВОК) *	44
ЦЕЗАРЬ КЮИ	44
НОТЫ РОМАНСА НА ТЕКСТ	
А. С. ПУШКИНА *	44
ПРИМЕЧАНИЯ	45